

ИРИНА ОСНАЧ

ВЕЗДЕХОД НА УЛИЦЕ ЗВЁЗДНОЙ

ПОВЕСТЬ

Я первой выскочила на тропу вдоль огромных валунов, проехала на снегоходе метров пятьдесят и попыталась повернуть на вылизанном ветрами гребне. Не смогла, на гребне лежал фирн — слежавшийся, зернистый снег, почти лёд, и ветер был ураганный. У меня хватило ума сбавить скорость, хотя подмывало утопить гашетку газа до упора: ещё пару сотен метров перевала, и был бы спуск на ту сторону.

Порыв и без того ураганного ветра, и я заорала, потому что ветер завалил набок снегоход, а тот придавил мою ногу.

Застыла, стараясь не двигаться, и тихонько заскулила:

— Витька!

* * *

— Мы завтра к Горячему озеру едем. — Вчерашний звонок Витьки застал меня врасплох. — Ты с нами? — продолжал Витька. — Небось, и забыла, как на снегоходе кататься? — Витька не дал мне ответить и спросил,

ОСНАЧ Ирина Владимировна родилась и выросла на севере Камчатки, в селе Манилы Пенжинского района. Училась в Литературном институте им. М. Горького. Работала в камчатской газете "Вести", собкором "Российской газеты" по Камчатской области. Автор повестей и рассказов, которые публиковались в альманахах "Особняк", "Камчатка", журналах "Юность", "Октябрь", "Дальний Восток", "Независимой газете" и др. Рассказы Ирины переводились на болгарский язык, входили в лонг-листы международного Волошинского конкурса и литературной премии им. О. Генри "Дары волхвов". В сентябре 2018 года стала дипломантом XVI международного литературного Волошинского конкурса. Член Союза писателей России.

будто видел: я сижу на кухне, смотрю в окно и ржавею, как мой снегоход: — Куксишься?

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда.

Витьке бесполезно врать. Мы с ним были космонавтами, потому что жили в звёздно-космическом районе Петропавловска. Он начинался с БАМа: торговый центр, почта и несколько домов. Ещё на БАМе была пельменная, в которую мы бегали после школы. Наши мамы работали, обед готовить было некому, и пельмени, мне — с горчицей, а Витьке — со сметаной, казались нам очень вкусными.

После БАМа, когда поднимаешься на подножие сопки, — микрорайон Звёздный с космическими улицами Королёва, Циолковского, Курчатова. Проезды Орбитальный, Космический...

Я жила и живу в доме на улице Звёздной. А рыжий Витька — в длинном доме на Терешковой. Мы учились в одном классе. Биология у нас была на крыше школы в большой стеклянной оранжерее, похожей на летающую тарелку. На лыжах бегали по ближней сопке. Однажды у меня сломалась лыжа, я подвернула ногу, и Витька помог мне ковьялять до школы, приговаривая: “Почти дошли!” Оптимист! Так бы и шли полдня, если бы физрук нас не хватился.

— Я еду со своим старшим, — повторил Витька. — Ты с нами?

Я запросто могла отказаться. Суббота, рано вставать, полдня ехать, чтобы потом лежать в кипятке. В воскресенье та же история: вставать рано, полдня на дорогу в город, и уже вечер. А в понедельник на работу: газетная планёрка, и ехать на интервью. Вот и весь отдых. И на снегоходе я давно не ездила, поясница будет болеть с непривычки.

— Поеду, — сказала я.

— Андрей?

— Сейчас спрошу, подожди. Сказал: “Нет”, — одна поеду.

— Можем тебя пассажиркой взять.

— Поеду на своем снегоходе.

— Ну, может, твой муж завтра надумает. — Витька остался оптимистом даже сейчас, став дядькой под сто кило.

Как же мы с Андреем когда-то мечтали о снегоходе! Наконец, купили. Андрей не мог дожидаться выходных, я же как штурман прокладывала на карте маршрут, расспрашивала того же Витьку о дороге. Объездили почти весь юг Камчатки. А теперь снегоход стоит в гараже, я сижу у окна на кухне, Андрей в комнате смотрит ралли по спутниковой тарелке.

* * *

Я встала в четыре утра. Андрей не поехал. Мы с Витькой и его старшим сыном Мишей выехали в шесть на двух снегоходах. Свернули с асфальта на шахму и началось. Шахма — это накатанный снегоходный путь, но накатывают его обычно к середине зимы. Мы же ехали по шахме, будто по стиральной доске, такая была у моей бабули в Эссо для стирки белья.

Наконец, свернули на мягкую лесную дорогу. Лес закончился, выехали к реке, на ней старый и дырявый мост. Витька проехал первым, я — за ним.

Навстречу ехали два снегохода. Остановились, Витька принялся расспрашивать — что да как наверху.

— Поворачивайте, на перевале ветер бешеный!

Подъехали к перевалу. Ветер, снег, но вроде терпимо. Витька сказал:

— Возвращаемся? Или поднимемся, нос высунем, посмотрим, какой ветер. Если штормовой, спустимся по нашим следам, если дальше едем, лучше уйти влево, там будет пешеходная тропа и пара огромных камней, за ними попробуем проскочить. Ещё вариант — не поедem к Горячему. Можем влево под гребнем спуститься и проехать, там будет дом Матвея Угрюмьча, бывшего лётчика. У него погреемся и вниз поедem, к океану. Вдоль океана идет шахма, мне говорили, что её хорошо накатали. По шахме в город вернёмся.

Мы с Мишей в один голос сказали:

— Едем дальше, под камнями проскочим!

Я первой выскочила на тропу вдоль каменных боков, проехала немного, попыталась повернуть, но ветер был ураганный, и я сбавила скорость. Тут ветер завалил снегоход на бок, придавив мне ногу. Очки забило снегом, ничего не было видно. Поднять снегоход я и не пыталась, хорошо, что он не перевернулся.

Витька с Мишей приехали минут через пять, поставили мой снегоход. Я потёрла ногу, вроде бы ничего. Мы обменялись знаками — что дальше? Решили пробиться вперёд гуськом. Рывками проскочили до спуска и махнули вниз. За перевалом с подветренной стороны надуло снега, но сильного ветра уже не было. Доехали до приюта возле Горячего озера. Тут уж я как следует посмотрела пострадавшую ногу: мне повезло, обошлось.

Горячее озеро будто кипело, его дно пробивали мощные потоки газа. Вода поначалу казалась кипятком, а когда привыкла, тело стало лёгким, ушла вся усталость.

Витькина жена дала в дорогу пирожки с рыбой. У меня был магазинный пирог с яблоками и гречка с грибами. Мы поели, попили чаю. Ещё был день, но глаза слипались, и мы решили отдохнуть, а потом пойти к соседнему озеру, крошечному и тоже горячему. Тут позвонил Андрей, я вышла на крыльцо, чтобы не мешать Витьке с сыном.

— Ты как, Оля? Всё хорошо? — услышала я спокойный голос мужа.

— Да... — я вдохнула воздух, чтобы рассказать, как мы ехали по колдобинам шахмы, по скрипучему мосту с дырками и старыми бревнами, забрались на перевал, а там ураганный ветер. Выдохнула и сказала:

— Всё хорошо! Мы у озера.

Выключила мобильный, почувствовала, что замерзаю — вышла-то я в свитере, и побежала в домик. Достала из рюкзака свой тёплый и мягкий спальник, забралась в него и заснула.

Рано утром Витька спросил: спим дальше или едем в Петропавловск. Я предложила: спим, озеро, завтрак, а потом поедem. Ну его, этот город. К вечеру успеем.

* * *

Первое время, когда мы с Андреем купили снегоход, в выходные не ленились вставать пораньше и ехать на Халактырский пляж: никого, только мы, берег и океан. Потом стали ездить на машине, так удобнее. И выбирались к океану уже ближе к вечеру.

Однажды поссорились и довольно нелепо. Поехали к океану, но Андрей из машины не вышел. Был штиль, яркое солнце, морская пена шипела на чёрном вулканическом песке. Можно было достать термос с чаем, бутербродами, сесть на дерево, выброшенное волнами на берег, и слушать волны. Я пошла к машине, открыла дверь, а там грохотала музыка.

— Зачем тогда нужно было ехать к океану? — спросила я.

— Да потому, что ты так решила! Так нужно! Нужно собираться, ехать, слушать твой трёп, потом смотреть, как ты бегаешь по берегу и изумляешься тому, что видела сто раз!

Поссорились. И я стала ездить к океану ранним утром одна.

* * *

Кофемашину нам в редакцию привезли по бартеру, за рекламу, и мы изощрялись, как могли: латте, капучино, эспрессо, американо... Кто не мог разобраться в программе кофемашины, спрашивал у главбуха Марины Михайловны, у неё такая кофеварка стояла на кухне. Марина Михайловна снисходительно объясняла:

— Американо — легко. Нужно сварить эспрессо, вот кнопка, когда он будет готов, в него нужно влить кипячёную воду, осторожно, осторожно, не повреди пенку!

Себе она варила густой и крепкий итальянский ристретто: в два раза меньше воды, чем эспрессо, и варить чуть дольше. Наш фотограф сделал себе ристретто, допил до конца и сказал, что эти апеннинские причуды не для него.

На одном из послеобеденных кофе Марина Михайловна неожиданно пригласила меня с мужем к себе в гости. Дело было той зимней порой, когда циклон за циклоном, и сумерки после обеда спускаются почти мгновенно, кажется, что живёшь в сплошной полярной ночи. И даже к океану не поедешь — дорогу замело.

Я приехала с интервью и мечтала о кофе и булочке с корицей. Хотя бы такая крошечная радость.

— У меня зайцы на балконе лежат, — сказала Марина Михайловна, готовя ристретто.

Малознакомый с нашим главбухом человек удивился бы и ничего не понял, что за чудеса такие, какие такие зайцы и почему они лежат, да ещё и на балконе. Но те, кто работал в нашей газете, пару-тройку раз в год с удовольствием лакомились то гусем с яблоками, обычно на день рождения нашего главбуха, то зайчиной. У Марины Михайловны было хобби, не совсем обычное бухгалтеров: она любила охоту.

— Это декабрь, зима, циклоны, мало солнца. Вот откуда депрессия, Оля, — Марина Михайловна говорила со мной, будто лучшая подруга. — А как её лечить? Бокалом вина, ароматной зайчиной... Ничего страшного, у меня то же самое было ещё два года назад. Но потом я нашла потрясающую гимнастику тибетских монахов. Всё просто и быстро, максимум десять минут. Нормализуется эндокринная система, корректируется биополе, и появляется энергия! Я тебе скину ссылку, но лучше увидеть вживую, покажу, как делать. — Марина Михайловна энергично кивнула, подтверждая отличную репутацию тибетских монахов, и пригласила меня в гости. Не забыла и моего мужа Андрея:

— Вряд ли ему будет интересна гимнастика, но мы найдём, чем его занять!

* * *

Я поздно поняла, что Марина Михайловна охотится не только на зайцев и уток. Вначале был безобидный салатик — руккола с креветками. Марина Михайловна быстро пожарила их на сковороде, где до этого шипел, благоухая, чеснок, положила в миску для салата, добавила сыр, бальзамический уксус, очень щедро моей любимой рукколы... И я потеряла бдительность.

Я же почти всё знала о Марине Михайловне: возле левого уха тонкий шрам, который она прячет под тональной пудрой, говорит, что остался от лески на неудачной рыбалке; ищет мужа; на вечеринках в редакции прикидывается нетрезвой барышней, которая никак сама не доберётся домой без помощи нашего сисадмина, менеджера по рекламе или “вон того новенького, в очках, смотри, какие у него крепкие плечи”; любит крепкий кофе; её подобострастно зовут по отчеству, потому что главбух, а попробуй Маринкой назвать — и всё, никакого расположения и аванса пораньше.

И вот я сидела тёха тёхой у неё на кухне за столом, лакомилась креветками и рукколой, а Марина Михайловна на моих глазах расставляла подсадных уток и призывно за них крикала. А потом вскинула ружье и прицелилась, точь-в-точь, как на фотографии, которую она нам показывала, когда мы пришли, охали и ахали, радуясь встрече и светски обсуждая пробки и погоду. После пробок и погоды была экскурсия по квартире. Марина Михайловна похвасталась своим балконом: столик и два стульчика.

— Здесь я по утрам кофе пью и смотрю на вулкан! Боже, как здесь классно вечером с бокалом вина!

Кокетливо прикрыла (не сразу, дав разглядеть и кровать, и картину с обнажённой женщиной над ней, всё в сиренево-розовых тонах) дверь в спальню. В гостиной на стенах висели большие фотографии той поры, когда за Мариной Михайловной ухаживал владелец пекарни Антон, пытавшийся покорить её тем, что вместе с ней ездил на утиную охоту. Роман с пекарем закончился пшиком, охотником Антон оказался никудышным и жаловался, что от выстрелов у него гложут уши. Марина Михайловна не сдалась и повезла пекаря на рыбалку: никаких выстрелов, тишина, только всплески воды. Пекарь взялся за спиннинг, вместо рыбы поймал Марину Михайловну и поранил её леской. Но фотографии, висевшие то там, то сям на стенах, были хороши. Марина Михайловна с ружьём возле камышей. Тут она целится. А здесь уже стоит с пекарем, который показывает убитую птицу.

— Держит-то её Антон, но этого селезня подстрелила я!

Я проморгала даже второй салат, который Марина Михайловна назвала “ачичук”. С шутками-прибаутками рассказывая про узбека-продавца на рынке, который пару лет назад и открыл ей тайну ачичука, Марина Михайловна со словами: “Сейчас сами увидите, насколько это классно!” — быстренько расположилась на столе, за которым мы сидели, и стала кромсать багровые помидоры. К истекающим кровью помидорным ломтям Марина Михайловна добавила тонко порезанный красный лук, фиолетовые листья базилика и принялась перемешивать салат руками. Сок тёк по её пальцам, Марина Михайловна пробормотала: “До неприличия простой рецепт”, — и прикрыла глаза с таким выражением на лице, будто её в это мгновение ласкал мужчина.

Слегка насторожилась я — наконец-то! — когда Марина Михайловна попросила Андрея достать из духовки зайчатину. Марина Михайловна коснулась плеча Андрея, хозяйским жестом показала на столешницу в углу кухни и стала объяснять, как резать мясо, потом засмеялась.

Я сидела на диванчике возле стола, смаковала помидоры, базилик, изредка запивая их глотком вина, и в голове крутилось только: “Классно!” — любимое словечко Марины Михайловны. Она вставляла его везде, будто ставила оценку себе, любимой, я хмыкнула, представив, как с кухонной люстры свисает бирка, на которой огромными буквами написано: “Моя классная люстра”, — фартук Марины Михайловны с многочисленными рюшечками отмечен: “Очень классный фартук!” — а её груди (Марина Михайловна нагнулась над столом, поставив миску с салатом), безусловно, самые классные груди на свете.

— А теперь зайчатина! Андрей, вот вилка для дичи, а вот тарелки! Дичью должен заниматься мужчина.

* * *

Мы ехали домой молча, не в силах говорить — после зайчатины на десерт был торт “Павлова”: безе, облако воздушных взбитых сливок и клубника. Я сидела рядом с Андреем, смотрела, как он держит руль, курит, и гадала, о чём он думает сейчас? Приехали домой, я заварила чай, достала тоненькие печеня из геркулеса — они были пресной сменой безе и сливкам.

“А вот чай у Марины Михайловны так себе”, — подумала я и улыбнулась.

* * *

Дальше всё было, как и прежде. С Мариной Михайловной мы виделись изредка в редакции, она пеняла, что приходится работать за двоих, коллега в отпуск ушла. На аврал жаловался и Андрей. Я довольно быстро поняла, что к чему, и уступать просто так не собиралась. Началась битва, если так можно назвать то, что происходило.

Я сделала всё, чтобы уговорить Андрея поехать в посёлок на побережье Камчатки: в тамошнем рыбозаводе открывали консервный цех.

— На снегоходе? — В его голосе я услышала сомнение и поспешно ответила, что на машине.

Был конец декабря, надо было съездить, взять интервью на рыбозаводе, вернуться в Петропавловск, написать в газету и подарки купить к Новому году.

* * *

Пурга остановила нас на том самом перевале, за которым было Горячее озеро, но на другой дороге, ближе к океану. На перевале стояли дом и сарай на высоких опорах, скорее всего, это был балаган для рыбы и дичи. Во дворе, будто обычная легковая машина, вездеход.

Не иначе, как тут жил Матвей. Я не была с ним знакома, знала по рассказам друзей — есть такой, сыч и нелюдим. Угрюмыч, как отозвался о нём мой одноклассник Витька.

Хозяин оказался дома, открыл дверь, впустил нас и сказал, обращаясь ко мне, что живёт один, хозяйки нет давно, и желающих на её место пока не нашлось. В коридоре висят вяленые утки, можно их готовить. Хмыкнул и добавил:

— Если сможете приготовить.

А сам комбинезон натянул и рюкзак взял. Я спросила, куда в такую погоду собрался.

— Хочу к океану спуститься, порыбачить.

— В пургу?

— Ну и что? Вот вам одеяла, где тарелки, ложки — разберётесь.

Андрей молча разглядывал жильё Матвея: одна большая комната с печкой, деревянный стол, тут же верстак, полки с книгами. Разглядывал старательно и спросил, наконец:

— Телевизор-то есть? А интернет?

— Была жена, был и телевизор. Интернет жена не забрала, но он бывает, когда захочет, — ответил хозяин.

Взял снегоступы и ушёл. Сыч и нелюдим!

На печке стоял ещё горячий чайник, в заварнике плескался чай с шиповником и полевой мятой, на столе — вкусное печенье: а сыч-то любитель почаёвничать! И в одеялах понимает толк: мягкие, скорее всего, из гусяного пуха.

— Странный человек! Кого он изображает? — возмущался Андрей, промаявшись весь вечер: интернета не было, интересной ему книги не нашлось. — Ты посмотри, книги про вулканы да путешественников... А-а, вот фотография на полке! Сыч тут и не сыч, в форме, да это лётная форма! Лётчик! Так он, оказывается, бывший лётчик! А тут он с женщиной, наверное, жена, что ушла от него. А теперь он сидит на перевале один, вокруг сопки да вулканы, точно, соционат! А нормальный чай есть?

— Нормального нет.

— А ужинать мы будем?

— Будем! — пошла в коридор, сняла с крючка утку.

После дороги хотелось горячего, поэтому решила сварить утку, порезала её на куски и опустила в кипяток. Открыла кухонный шкаф и засмеялась.

— Чему ты так радуешься? — спросил Андрей.

— Я ещё грибы сушёные нашла! Давай, я к утке грибы добавлю, вкусно будет!

Андрей подошёл к печке на запах супа.

— Мои бабушка с дедом, мамины родители, из Эссо. Дед и рыбаком был, и охотником, никогда из леса и тундры с пустыми руками не приходил. — Я посолила суп, попробовала — вкусно! — Приносил с охоты куропаток, уток, гусей, куликов, глухарей. Бабушка их и жарила, и варила, и тушёнку делала, солила, вялила...

— А висели они потом на улице, где мухи?

— Не просто на улице, а там, где ветер со всех сторон продувает, никаких мух. Ещё я знаю, что чаек вялят, вернее, чаячьих птенцов, но это на

побережье, где на островах колонии чаек. Есть и вовсе диковинный для нас рецепт: тюлень, фаршированный чайками. Так на севере делали. Потом закапывали тюленя в вечную мерзлоту. Когда нужно, доставали, как из холодильника...

— Аппетит перебьёшь! — остановил меня Андрей, и мы принялись за утино-грибной суп.

* * *

Пурга мела два дня и вытворяла, что хотела: выла, стучала в стены, трясла дом. Утром третьего дня, когда я топила печь, снаружи стало тихо, будто дом ватой обложили. Я пошла в коридор и открыла дверь (на севере двери открываются внутрь). Вход в дом занесло. Я взяла лопату в коридоре и потихоньку начала откапываться. Тут и Матвей вернулся. Кинул в коридоре мешок с рыбой, забрал у меня лопату, откинул снег от входа. Поставил на печь сковородку, пожарил рыбу.

Я начала благодарить за то, что он дал приют. Матвей не особо слушал, поставил на стол сковородку с рыбой, показал рукой — садитесь!

— Вкусная рыба, спасибо! Где же вы пурговали? — спросила я.

— На берегу есть рыбацкая землянка. А я вас вспоминал — как без телевизора и вайфая обходитесь! — засмеялся он. — А вы и полы помыли, и с утками разобрались, молодец! Я вам шишек собрал с кедрача возле землянки, подсушить их надо...

Не такой уж и сыч. Серо-голубые глаза, прямой нос, длинные волосы стянуты в хвост. Удобная одежда — спортивные штаны, потрёпанная байковая рубашка в клетку, в паре мест зашита большими стежками. В доме ходил босиком.

Матвей протянул мне шишки, они пахли пургой, мокрым снегом, смолой. Я держала пакет с шишками и смотрела на Матвея. Андрей уже оделся и ждал меня у порога. Возникла неловкая пауза.

— Я вам другую дорогу покажу, так короче будет, — предложил Матвей.

Он оделся, сел в вездеход и поехал вперёд, пробивая колею после пурги. Дорога шла вдоль океана. Быстро стемнело, и океан мы не увидели, ушлишали. Он был рядом, вздыхал и бил огромным хвостом.

На рыбзавод мы успели: из-за пурги консервный цех открыли на три дня позже.

* * *

На первом курсе института мы ездили на картошку. За день лихо управлялись с картошкой, а под вечер, в ожидании ужина, брались за канат, найденный в спортзале пансионата, в котором нас поселили. Делились на две команды и выясняли, кто быстрее перетянет канат на свою сторону. Такая была забава, не надоедавшая нам до тех пор, пока мы не разбились на парочки.

Там я и познакомилась с Димой, своим первым мужем, именно он старательно тянул канат позади меня, и, когда начиналась куча мала, Дима норовил первым навалиться на меня всем телом, чтобы отвадить других кавалеров. Я чувствовала себя курицей табака, и уступила Диме, мы поженились перед Новым годом.

Ну вот, я проговорила про первого мужа. Да, был и первый муж, с которым я развелась на третьем курсе, и началась долгая чехарда с документами — я решила вернуть себе девичью фамилию. Но подробности про студенческие игрища, Диму и нашу с ним короткую семейную жизнь здесь ни к чему. Главное — канат, который мы с Мариной Михайловной принялись усердно тянуть каждая в свою сторону.

У меня пошли в ход вино с сыром по вечерам, шёлковый короткий халат, мы дважды выбирались на дачу к знакомым, где я ходила в купальнике,

который мне очень идёт, купалась в озере и напропалую кокетничала. Уговорила Андрея слетать на пять дней во Вьетнам, в отель возле маленького городка. Тягуче-неторопливое время, дневное пекло, аромат благовоний в святилищах, тропические ливни с молниями, громом и потоками воды. Целыми днями мы сидели на террасе ресторана или пропадали в номере, а к морю выходили рано утром смыть следы ночных утех. Однажды, когда Вьетнам закончился, и мы вернулись, Андрей вечером принялся рассказывать мне о своих делах... И вдруг загнулся, задумался и уронил вилку, я поняла — пора доставать тетрадку моей бабули.

С тех пор, как бабушки не стало, я открывала её тетрадку от силы раз пять. Но тогда написанное там было только рецептами, готовить по которым было лень, пустой тратой времени, да ещё и абракадаброй-головоломкой с чайными ложками (или того хуже — соль на кончике ножа, это сколько?), четвертями стакана и запеканием-выпеканием при 180 градусах.

Тетрадка лежала на антресолях среди фотоальбомов и была почти от них неотличима: в такой же твёрдой обложке, обернутой в синюю с жёлто-фиолетовыми цветочками нежно-шёлковую ткань. Но внутри были не фотографии, а страницы с рецептами и рисунками простым карандашом или шариковой ручкой. Бабушкины рецепты были подробные, она пересказывала их так, будто вела диалог.

Я полистала тетрадку, отложила. Следующим вечером вновь принялась её листать.

* * *

В Эссо к бабушке с дедом меня отвезли в середине июля. Так решили родители: нужно, чтобы ребёнок, то есть я, окреп перед школой, побыл в прекрасном климате, подышал хвойным воздухом, поплавал в термальных источниках и поел домашенького (это была поправка бабули).

Центр Камчатки, морозы зимой, летом жара, хвойные леса, Ичинский вулкан, горячие источники обогревают дома и теплицы, в которых растёт даже виноград, сопки вокруг села, река Быстрая... Так я потом рассказывала об Эссо друзьям с материка, которые любопытствовали, где можно отдохнуть на Камчатке. Но в ту пору, когда родители возили меня к деду и бабушке, я не знала ни про вулкан, ни про континентальный климат в долине.

Я завтракала тем, что бабуля оставляла для меня под полотенцем на столе. Она сама уже работала в огороде. Потом я брала пару бутербродов с собой и скорей на улицу, где меня ждали друзья-приятели. Мы бежали на сопки или к Быстрой, на берегах которой паслись коровы, лошади и козы.

У бабули имелись три теплицы, которые грели трубы с термальной водой. В двух росли помидоры и огурцы. А третья была с диковинкой, виноградом, это в Эссо, где лютые морозы! В ней росли два сорта винограда. Один — с зелёными гроздьями, не помню его название, бабушка про него говорила, что молодая лоза, трёхлетка, и года через два непременно удивит всех своим урожаем. Вторая лоза вилась по металлической арке, это был обожаемый бабушкой виноград Шасла розовая. Бабушка разговаривала с этой Шаслой, как с живой, и всё ждала, когда же Шасла созреет, и я смогу съесть её, будто драгоценную амброзию. Тёмно-розовые грозди были торжественно срезаны перед самым моим отъездом — виноград оказался вкусный, да и только.

* * *

И было лето, и свобода, и вылазки с местными мальчишками на сопку, на речку, и несказанная щедрость вечерних застолий, когда под лампочкой с кружащимися мотыльками собирались дедушка с бабушкой, их соседи, пёс Акуль и две кошки, Шурка и Люся.

На столе — кастрюльки, кастрюлечки и кастрюли (в мисках остынет, считала бабушка), и всего столько, что съесть невозможно. Но съедали.

И долго сидели и пили чай с булочками, которые ждали своего часа в тазике, накрытом детским одеялом. Бабушка говорила, что укрывала им мою маленькую маму, а “теперь вишь, и ещё пригодилось! Да ты ешь, ешь, Олюшка, ешь, внученька! Смотри, какая румяная булочка! Утром к курочке сходила, яичко взяла, била-била и разбила, потом вилкой в миске взболтала, и когда булочки в духовку ставить, перышко в болтанку обмакнула, и каждую булочку перышком поверху смазала. И теперь булочка румяная, катится, к тебе в рот просится!”

— Лиза, у тебя сказки переплелись! — смеялся, прислушиваясь к нашему разговору, дед.

— Какие такие сказки?

— О Колобке и Курочке Рябе...

— Может, и обе, — легко соглашалась бабушка, — все сказки когда-то из одной общей сказки вышли...

И они ещё много говорили и говорили, а у меня слипались глаза, и дед брал меня на руки и нёс в дом: пора спать, спать...

Утром бабуля подбивала тесто, которое свисало с краев и торопилось сбежать из огромного таза. Половина теста на булочки, остальное — для рыбного пирога. Дед вчера сговорился с соседом пойти на рыбалку. Бабушка поджимала губы, ворчала, что в прошлый раз всё провоняло рыбой, потом проветривали дом целую неделю. Дед ухмылялся, торопил соседа, и они уходили на рыбалку.

Мужчины возвращались вечером, приносили мокрый мешок, от которого остро пахло рыбой. И через пять-десять минут во дворе появлялся один сосед, потом другой — надо же подсобить.

Вскоре пахло жареной рыбой и пирогом. Бабушка охала, что подгорел рыбный пирог! Посмел бы он подгореть! Все садились за стол, и наступала тишина, только вилки с ложками стучали. Жёлтое сливочное масло, собственноручно сбитое бабушкой, давно растаяло в разварной картошке, да и сама картошка остыла, на задворках стола и салат с черемшой, и грибная икра... Самые главные блюда на столе — жареная рыба и пирог, это их день.

Я больше не вернусь в то лето. Этот мир ушёл, и его не повторить.

Но читая рецепты бабули, я неожиданно ощутила запахи и вкус того давнего лета так, будто сижу за большим бабушкиным столом и жду, когда она мне положит в тарелку икру из черемши.

Бабушкины рецепты были не просто рецептами, по ним готовили, они переделывались, комментировались: “Лучше положить на тёплый противень”, — или: “На два часа в холодильник, потом раскатывать”.

В середине тетрадки я нашла рецепт тельного, бабушка называла его тэльно. “Филе рыбы истолочь вместе с черемшой в берёзовом корыте пестом или камнем. Отварить картошку в мундирах или кимчигу, тоже их истолочь, — писала бабушка. — Сделать из рыбного фарша лепёшки, в центр лепёшки положить картофельное пюре. Края лепёшки соединить и залепить, чтобы получилась котлета. Смазать противень жиром, положить тэльно и поставить в духовку”.

Тельное я собиралась сделать в пику тарту “Павлова”, которым нас угощала Марина Михайловна весной.

* * *

Детство, по крайней мере, его сладкая часть, закончилось для меня в семь лет. В сентябре я пошла в первый класс. В школьной столовой встречала пережаренная печёнка с картофельным пюре, залитым мучным соусом, слипшиеся макароны, вечный запах кислой капуста и алюминиевые ложки и вилки с гнутыми зубцами.

Через два года родители развелись. А меня на время развода и осенних каникул передали бабуле, которая меня пару недель хлила и лелеяла, но уже вполсилы. Бабушка была больна, ходила медленно, по многу раз на день присаживалась на крыльцо.

Дед про рыбалку и не вспоминал и всё спрашивал у бабушки, называя её непривычно для меня:

— Лизанька, помочь чем?

Бабушка отмахивалась от него рукой и сидела на крыльце, прислушиваясь и принюхиваясь.

Звала меня присесть с собой. Я садилась, тоже слушала, как скрипит старый велосипед соседа за забором, лениво лает Акулька, кудахчут куры, которых пошёл кормить дед.

* * *

Двор, стол. За одним краем стола сидит сосед деда в тельняшке, мне уже не вспомнить, как его зовут, ждёт деда, курит и смотрит на кур во дворе. А на другом конце стола — мы с моим другом Лёней. Лёня объявляет мне шах, впереди у моих белых неотвратимый мат... Я огорчена до слёз, — была уверена, что выигрываю, — и уже готова разрыдаться, но Лёня нагибается и звонко чмокает меня в щеку. Я и вовсе ошарашена, звук поцелуя слышен на весь двор, сосед в тельняшке хмыкает, дед выносит ему какой-то инструмент, сосед благодарит, но деду не до этого...

За мной на машине приехал отец. Он говорил с дедом на повышенных тонах. “Любовь, бу-бу, любовь... Надо разводиться!” — И дед ему в ответ тоже про любовь: “Бу-бу, любовь, ты же не знаешь! Как же тебе объяснить... бу-бу... Это вот сейчас мне понятно всё про любовь... Любовь, бу-бу...”

Потом они замолчали. Мы пошли к машине, ко мне метнулся Лёня, сунул мне несколько горячих от его ладони конфет.

Мы ехали, я рыдала на заднем сидении, смотрела назад, опять рыдала, съела конфеты, заснула. И проснулась, когда мы подъезжали к Петропавловску.

Папа увидел, что я проснулась, и стал быстро говорить, будто уговаривал не только меня, но и себя. Что он меня любит, но так бывает, и это жизнь, и всё будет хорошо, и мы будем часто видеться, и чтобы я приходила к ним с Катей, и какая Катя хорошая... И ты не подумай, мама тоже хорошая, но так бывает...

Мы виделись с ним потом от силы раза три. Он уехал с Катей, своей новой женой, на материк. Потом, когда я выросла, мне позвонил его знакомый и сказал, что он умер, — где, что, как? Никаких подробностей. Мамы не стало спустя два года после его смерти.

Когда я выросла, перестала обижаться на родителей. Что толку. Напрасно они развелись. Друг без друга им было плохо, никакие Кати и Пети (был у мамы такой Петя, иногда приходивший в гости) не заменили того, что у них было...

Но это всё случилось потом, а пока папа был жив и говорил мне про Катю, и сам себе верил.

* * *

Я читала бабушкины рецепты и начала понимать, почему дед так долго не мог отпустить от себя бабушку, когда её не стало. У неё было то, чего не было у меня. Она владела магией дома. Наверное, что-то передалось и мне. Но это тёплое, вкусное, ароматное было задавлено, как асфальтным катком, общепитом, а потом химическо-пищевой промышленностью. Наверное, пройдёт немного времени, и все продукты станут делать из одного сырья, а отличать их будут красители, ароматизаторы и упаковка. Покупаешь серо-белую массу, приносишь её домой, и делаешь всё, что в голову придёт. Сегодня понедельник — значит, насыпать красный краситель, приправы с копченым запахом — и будет ветчина. Во вторник — творог. В среду — котлеты.

Я была завсегдаем в отделах супермаркетов, где продавалась нарезка — мясо, сыр, рыба. Всё уже нарезано, упаковано, пришла вечером с работы,

поставила на плиту сковородку, шлепнула в неё пару кусков рыбы или мяса, и готово.

Я продолжала читать бабушкин рецепт: “К тельно хороши молодые пучки, шеломайник. Почистить стебли, снять с них кожицу, — писала бабушка. — Пучка хороша с тельно, сухой красной икрой, жареной рыбой”.

Пестика и берёзового корыта у меня не было, негде взять и кимчигу. После двух попыток тельное получилось таким, как его пекла бабушка. Но и тельное оказалось бессильно. Андрей не вернулся с работы. Было это в конце июля. Поздним вечером прислал СМСку: “Я у себя, не волнуйся”. У себя — значит, в своей однушке в районе Красной Сопки, которую он собирался продать после нашей женитьбы, да так и не продал, и куда сбегал, когда мы ссорились.

У себя — значит, не у Марины Михайловны.

Андрей ещё четыре раза за неделю присылал СМСки, которые заканчивались одинаково: “Не волнуйся”. А потом замолчал.

* * *

О том, что я проиграла, я узнала от Марины Михайловны после обеда, за чашечкой кофе.

— Извини, — сказала она.

Я поджала губы. И промолчала. А что тут скажешь? Что она стерва, и вылить кофе на её белую блузку?

— Ты ещё себе найдёшь. — Марина Михайловна не хотела портить наши кофейные отношения.

Я промолчала и на этот раз.

— Ты только посмотри, сколько неженатых вокруг, — продолжала Марина Михайловна, — а ты на три года меня младше.

— Где? — развела я руками, имея в виду, что наши сисадмин, менеджер по продажам и новенький в очках с крепкими плечами давно прибраны к рукам...

— Найдёшь, — уверенно продолжала Марина Михайловна в белоснежной блузке, допивая свой кофе. — Андрея же нашла. И ещё найдешь. А я... ты же знаешь...

Что я знаю, она не уточнила. Марина Михайловна сказала всё, что хотела, допила кофе, стёрла доброжелательно-сочувственное выражение с лица и пошла в бухгалтерию.

Странно, но мне вовсе не хотелось её задушить или подсыпать яд в кофе. Похоже, мы с Мариной Михайловной и дальше будем пить кофе и говорить о погоде и гимнастике тибетских монахов.

Я приехала домой, заглянула в холодильник — помидоры, лук и зелень. И ещё картошка. Но картошку надо жарить или варить. Мне было лень. Я сделала ачичук. Ну, и что из того, что вражеский рецепт? Это было именно то, что мне нужно, — резать, давить в кровь помидоры, ощущать на пальцах их сок и мякоть.

* * *

Витька, узнав о разводе, хмыкнул. И без особых комментариев откликнулся на мою просьбу посмотреть старый мотоцикл, который я купила на свои первые газетные гонорары.

— Бензин я залил, масло посмотрел, ты знаешь, живой твой мотоцикл! А снегоход не делили?

— Андрей оставил мне снегоход и квартиру.

— Так квартира же твоя, родителей?

— Да. А у него есть своя на Красной Сопке.

Витька завёл мотоцикл, выехал из гаража, сделал пару кругов.

— Куда поедешь?

— Можно в Тай, Лаос, Вьетнам...

— Шутишь, это хорошо! — хмыкнул Витька.

Я села на мотоцикл и поехала на перевал. К моему разочарованию, Матвея не оказалось дома. Я заглянула в окна, тронула дверь. Не заперта. Я зашла в дом, походила по комнате, увидела на кровати распечатку. “День второй. С восточного берега озера поднимаемся на седловину. С неё будет хорошо виден застывший лавовый поток. Дальше наш путь на юго-восток вдоль левого края потока лав. И мы выйдем к реке, здесь остановимся на ночёвку. Есть шестиместная палатка и спальники”.

Маршруты были самые разные — к термальным источникам, вулканам, пешеходные и на вездеходе. Так вот чем Матвей зарабатывает на жизнь!

Потом взяла с полки книгу, это был справочник по вулканам Камчатки, стала листать. О многих вулканах я даже не слышала: “Вулкан Кихпиньч относится к действующим, располагается к юго-востоку от вулкана Крашенинникова. Это сложный массив, состоящий из потухшего стратовулкана Старый Кихпиньч, сильно разрушенного эрозией...” Читала, читала и заснула. Проснулась за полночь: на столе горела лампа, которую я не выключила, в окнах темно. Вышла на крыльцо. Мой мотоцикл, ельник вокруг, и шумит ветер.

Вернулась в дом, но спать с незапертой дверью побоялась, заперла её изнутри на щеколду.

Проснулась утром от скрипа половиц: Матвей ходил босиком, подкладывал дрова в печь, вскоре зашумел чайник на печке, запахло душистой травой. Шёл дождь, трещали дрова.

— А щеколда? — вспомнила я. — Я же закрыла дверь на щеколду изнутри, ты как зашёл?

Он хмыкнул и принёс мне кружку с чаем. Сел рядом на кровать, тоже прихлёбывая чай, потом спохватился:

— Вот я балда, не спросил! Может, ты сгущёнку к чаю будешь?

— Буду! Как в детстве, я очень сгущёнку любила!

— Сейчас!

Матвей пошёл в коридор, вернулся с банкой сгущёнки и пакетом, в котором лежало что-то круглое.

— А это нам на обед! Чувствуешь, как пахнет?

Я принялась, запах был... я не смогла его ни с чем сравнить, пока не вспомнила — так пахли оленье шкуры, которые соседка бабушки выделявала во дворе. Она их скоблила, смазывала чем-то, потом они у неё мокли в бочках.

— Это вильмулимуль, слышала о таком? В желудок оленя кладут варёные почки, печень, оленье уши, добавляют ягоды и щавель, чтобы кислинка была. Заливают оленье кровью, зашивают, и в ледник.

— Вот это гостинец! Не пробовала! Квашенные рыбы головы ела, строганину, килькил...

— Это оленье печень с ягодами?

— Да. И как этот вильмулимуль едят?

— Порезать ломтями, посолить.

— На сальтисон похоже, я в Чехии такой пробовала, это свиной желудок с лёгкими, сердцем, почками, салом, чесноком, потом варят и запекают. А можно я себе пожарю вильмулимуль?

— Пожарь! А я уже привык. У меня приятель есть, на севере Камчатки живёт. Он мне пару раз в год передаёт гостинцы или сам привозит. А ты что читала?

— Вчера? Про вулканы. И ещё про твои маршруты, очень интересно.

— Можем поехать к водопадам и голубому озеру. Хочешь? Но часть дороги нужно будет пешком идти, вездеход там не пройдёт.

— Хочу! Когда?

— Как соберёмся. Туристов у меня на этой неделе нет, у тебя выходные. Приедем к вечеру на заимку, там переночуем, а утром к озеру.

Сели в его вездеход, который он держал возле дома как раз для таких поездок по камчатскому захолустью. Внутри оказалось на удивление уютно:

мягкие сиденья, ремни безопасности, а рядом с водителем — небольшой холодильник и держатель для термоса.

— Купил списанным, не на ходу, мне его на буксире привезли. Я над ним лето шаманил, и мы с ним поладили. Уговор у нас такой — он туристов возит, иногда мы с ним в город выбираемся за едой и патронами. А я его смазываю, ремонтирую.

Вездеход подъехал к сопке, нашёл дырявую дорогу и, кряхтя и урча, пополз по ней. Его трясло так, что я уже не хотела никакого диковинного озера, потом спустился в распадок.

— Всё, — сказал Матвей. — Приехали. Дальше не поедем, машина в кочках застрянет. Пойдём пешком, накинь ветровку, комары тут злые.

— А вездеход здесь оставим?

— Оставим. Места здесь дикие, только мы да медведи. А медведям зачем вездеход?

Мы пошли по сухому руслу реки, а потом в траве по пояс, безо всяких тропинок и следов. Шли и шли по траве, собирая на штанах цепкие семена травы, повернули и уткнулись в заимку: маленький домик и рядом балаган — сарай на высоких опорах. Возле домика стоял стол с пеньками вместо стульев. Дальше идти некуда, дальше — река.

Матвей открыл дверь заимки, положил рюкзак с вещами; одна комната, самодельные столик, топчан, табуретка, крохотное окошко — чтобы медведь не залез. И печка-буржуйка.

С реки дул ветер, он разогнал комаров, и на заимке можно было снять ветровки. Матвей повёл меня к реке умыться после дороги. На берегу мы стали целоваться, но случилась неловкая заминка. И пока возвращались к домику, говорили о какой-то ерунде, чтобы сгладить смущение, которое возникло после поцелуев.

Я постелила клеёнку на уличный стол, поставила картошку с луком, что привезла с собой. Матвей и тут удивил, сходил в сарай, вернее, не сходил, а забрался по невысокой лестнице и достал связку не пойми чего. Когда положил на стол, показалось — длинные стружки высохшей древесной коры, а на самом деле — тонко нарезанные брюшки нерки, вкуснейшего лосося, которые вялились в сарае. Картошка к нерке была как раз то, что нужно. Мы ели и никак наесться не могли, потом Матвей занялся генератором, который надо было завести, чтобы на заимке появилось электричество. Он возился с ним долго, обращаясь к нему ласково:

— Ну, давай, давай, старьё!

Генератор и правда был старичком, Матвей купил его в ларьке возле дома после эпохи танкера “Бориса Бутомы”. В конце девяностых Камчатка то сидела в темноте, то озарялась электричеством на несколько часов. Это зависело от того, как быстро нальют во Владивостоке мазут для Камчатки, и танкер “Борис Бутома” доведёт его до полуострова. Все только и говорили о “Борисе Бутоме”: сколько он прошёл от Владивостока, сколько ему ещё идти до Камчатки, остановят ли котлы на ТЭЦ, будет ли свет, пусть и на несколько часов в сутки. Генераторы тогда стояли в кафе, магазинах, ларьках, даже тарахтели и пыхтели на балконах.

А когда в Петропавловск-Камчатский начали регулярно привозить мазут, генераторы стали потихоньку продавать. Матвей свой купил за бесценок.

— Когда заведётся, работает, как зверь, но уговаривать надо долго.

— Ты его купил, когда лётчиком был?

— Нет, когда на перевал перебрался. Откуда про лётчика знаешь?

— Витька рассказал. Витька многих знает, мне иногда кажется, что он с половиной камчатцев знаком.

— У тебя с ним...

— Не-ет, что ты, мы дружбаны, в одном классе учились. У него жена, сыновья. А ты каким лётчиком был?

Матвей понял мой неловкий вопрос:

— Вертолётчиком. Летал, летал, а потом на землю захотел. Жена удивилась, когда ей сказал, что на пенсию ухожу.

— На пенсию?

— У меня часов налёта было на две пенсии... А потом я жену огорошил ещё больше, сказал, что мне в городе жить надоело. И уговорил её в дом на перевале переехать. Она вытерпела два года, потом вернулась в городскую квартиру и со мной развелась.

— А эта займка откуда взялась? Сам построил?

— По наследству досталась. В былые годы тут мой друг браконьерил.

— А куда друг делся?

Матвей показал на небо, невесело усмехнулся.

* * *

— Я взял сапоги и ветровки на случай непогоды. — Матвей разбудил меня ещё затемно. — А ты положи хлеб, рыбу, котелок, кружки. Наверху перекусим. Пойдём налегке, так ты меньше устанешь. Мы на день уходим, вечером вернёмся. Поднимемся вдоль речки, будет горная тундра, белый ягель, кедрач и особые подосиновики.

— Особые? Что я, подосиновики не видела? Красная шляпка, крепкая ножка, почти как белые грибы.

— Эти тундровые. Маленькая красная шляпка, очень крепкая. А ножка формой с грушу — вся в ягеле. Хочешь сорвать гриб — запускай руки в мох и выковыривай ножку.

Я положила в рюкзак хлеб с рыбой, кружки. Пыталась засунуть туда котелок, Матвей засмеялся и прицепил его поверх рюкзака. Мы пошли вдоль горной речки. Когда-то тут пронёсся селевой поток, волоча огромные камни. Камни выдрали низкие деревца, перевернув их вверх корнями, и застряли в этих корнях. Речка выглядела довольно странно, даже устрашающе.

— Вот и тундра. Видишь грибы? Здесь красная шляпка, другая, а там два подосиновика. Тундру пройдем, потом будет туман.

— Туман? Он по расписанию бывает?

— Он всегда там к полудню. Ветер меняет направление и приносит туман с водопадов. Начнётся кальдера. Мы не будем идти по всей кальдере, пройдем с края и выйдем к водопадам.

Дошли до небольшой сопки. Поднялись на неё — заполненный водой кратер.

— Это и есть голубое озеро?

— Нет, это маар, плоский кратер с жерлом без конуса, в нём теперь тоже озеро, но не голубое, посмотри на дно.

Вода озера была прозрачной и мёртвой, ни рыб, ни водорослей, а на дне — оранжевые камни. Матвей объяснил, что это осадок гидроокислов железа. Обошли маар по кромке кратера, дошли до противоположной стороны, на которой громоздились огромные камни. Нашли тропинку между камнями и зашли в туман, такой густой, что я не видела ни своих ног, ни земли. Шли, шли и вышли к водопадам, небольшим, но очень громким. А возле них лежало голубое озеро. Я ахнула — оно было не просто голубым, а фиолетовым.

— Тебе повезло, озеро обычно голубое.

— Почему же сейчас фиолетовое?

— Его цвет зависит от того, сколько льда на дне, лёд и вода отражают солнечный свет, и озеро может быть голубым, синим, даже вот таким, как сейчас, будто фиолетовые чернила налили.

— А цветов вокруг сколько! И во-он евражка побежала!

Мы вернулись на займку, когда начало темнеть. Матвей поставил три свечи на поляне возле домика: разрубил топором поленья до половины, капнул в середину расщепки бензин, а потом поджег и поставил. Говорят, что с такими свечами хорошо ночью на реке рыбу ловить: ставишь её на берегу, и на реке хорошо видно, и горит она долго. Я смотрела-смотрела на свечи, а потом пошла в домик, легла на топчан и поплыла в озере с голубым дном...

Наутро я проснулась рано, Матвей ещё спал — чтобы не будить меня, положил куртки на пол и лёг на них. Утро стояло холодное, росяное,

я пошла на реку, оглядываясь, нет ли медведя, умылась водой, от которой сводило руки, зажгла костёр, поставила на огонь закопченный чайник. И сидела на крыльце заимки, ждала, пока вскипит вода. Заварка была в домике-сараяе, я не хотела тревожить Матвея, сорвала несколько веточек кедрача, помяла их в ладонях, да и кинула в кипяток.

К чаю вышел Матвей, попробовал чай, кивнул одобрительно. Мы пили смолистый кипяток, молчали. Матвей принёс куртку, накинул мне на плечи. Сел рядом, поцеловал.

И мы пошли в домик. Голова моя кружилась, чувство неловкости прошло, и это был такой сладко-мучительный круговорот с руками Матвея, его губами, его стоном, моим выдохом: “А-а-а...”

Потом мы накрылись ватным одеялом и проспали ещё пару часов.

* * *

Я вышла из домика. Матвея не было. Потом заметила какое-то движение: Матвей махал рукой со стороны реки. На берегу выше по течению стоял и смотрел на нас медведь. Толстый, мокрый, только что из воды вышел, рыбачил. Посмотрел на нас и ушёл в прибрежные кусты.

— К заимке близко не подойдёт, мы ему не нужны, он рыбалкой занят. Я рыбу поймал, будем жарить!

Встало солнце и тут же потеплело. Матвей поставил на огонь большую чугунную сковороду для рыбы. Я пошла к невысокому лесу, вглубь заходить не стала, опасаясь медведя, и на окраине собрала черемши, крапивы и сорвала верхушки кипрея. В тени травы росли не так быстро, как на солнце, и ещё были пригодны для сочного зелёного салата.

На несколько десятков километров вокруг были только мы да медведь, и всякое зверьё. Земля пахла летом, возле заимки, в двух шагах, росли переросшие грибы, в зарослях жимолости было полным-полно ягод, в реке плескалась рыба, а в небе низко над нами пролетали утки. Тем утром счастье коснулось нас своим крылом.

У меня оставались ещё свободные от работы дни, и мы вернулись на перевал, в дом Матвея. Завтракали, Матвей занимался вездеходом, а я шла по перевалу и спускалась к океану. Слушала океан, возвращалась, варила кофе, наспех делала что-то вроде блинов из муки, к ним жарила грибы, которые собрала по дороге.

Сидели за столом, не спеша обедали и говорили о том, что у вездехода надо менять звёзды в гусеницах, сколько грибов я нашла по дороге, ещё чая, как океан, океан всегда океан, надо же как назвали — звёзды, ну да, это звёзды привода, они вращают гусеницу, что приготовить на ужин, кажется, я натёрла ногу, давай, я посмотрю, вот ещё, натёрла и натёрла, подумаешь, ну нет, у меня жир есть гусиный, и я большой спец по натёртым ногам, знаешь, сколько их в походах мои туристы натирают...

Матвей топил печь, чтобы было тепло ночью. Мы лежали и слушали, как шумит огонь. И говорили о том, что на душе.

— Почему ты ушёл из вертолётчиков?

— Хватило неба. К земле потянуло.

— Поэтому босиком ходишь?

— Может быть, и поэтому...

— Я не думала, что всё будет так, я жила и жила, словно плыла по течению, а потом... споткнулась. И оказалось, что у меня нет ни лодки, ни плота, ни даже спасательного круга. Ничего нет, вокруг мокрая и холодная вода. И уже осень. Попрыгунья-стрекоза, я не пела и не плясала, но всё равно осень...

— У меня был друг, он умер, — отвечал мне Матвей. — Ещё один друг, рак... Ещё друг жил во Владике, ходил в море, был суперштурман, саркома бедра, я летом летал на похороны. Брат разбился на мотоцикле. Я говорил себе — ничего, терпи, это жизнь. И теперь я живу. Просто живу.

— Я всегда спешила, всё торопила — скорее, скорее. И работала, и жила так. И всё было нормально. Ничего не тревожило. А сейчас не могу найти покоя. И дело вовсе не том, что от меня ушел муж.

— Дело совсем в другом: ты приехала на перевал.

— Сама не знаю, что на меня нашло... Я вспомнила твои руки, как ты протягивал мне шишки. Они были мокрые...

— Руки или шишки?

— Смеёшься? Ты помнишь? Была пурга, ты поехал на рыбалку, пурговал в какой-то землянке на берегу. Я думала, как же ты там. А потом стало тихо, пурга ушла. Ты привёз рыбу, жарил её. И подарил мне кедровые шишки...

Матвей слушал и гладил меня по спине, эти поглаживания были целительными, почти магическими. Ещё недавно я удивлялась самой себе: почему приехала на перевал, и зачем мне роман с Матвеем, который старше меня, и у нас вряд ли что сложится, кроме этих нескольких дней? А сейчас говорила, перебивая Матвея, и плакала, и подставляла ему спину, которую он гладил так, будто помогал проклонуться крыльям.

По ночам я чувствовала его дыхание на своей шее, он спал, обхватив меня руками, положив левую ладонь мне на грудь. И это было ночное счастье — просыпаться, слышать его дыхание, возвращаться в сон...

* * *

— Приезжай ещё, — сказал Матвей. — Я достану свою моторку, поедem на банку. Когда ходила к океану, видела скалы? Возле скал есть банка, мелководе, и туда приходит треска.

— У тебя есть моторка? — удивилась я.

— Есть. Давно не спускал на воду.

— Заржавела? — Я вспомнила, как мой снегоход долго стоял в гараже.

— Не заржавела, но пора на воду. На банку приходит треска, а за ней — косатки, ты видела, как охотятся косатки?

Я слушала его, кивала и понимала — моя история, разлетевшаяся на куски, каким-то чудом сложилась. И сложилась так, как мне сейчас нужно. И я могу жить в таком мире.

* * *

Я давненько не видела Марину Михайловну — сначала я была в отпуске, потом она на больничном.

Марина Михайловна подседа ко мне за столик в кафе, где мы обычно обедаем.

— Да ты загорела! И взгляд совсем другой! Я же тебе говорила! — могла бы всё это сказать торжествующе, но она пробормотала скороговоркой, между делом, изучая меню, хотя что там было смотреть? Два салата, три супа, котлеты, жаркое — вот и весь выбор бизнес-ланча.

Я смотрела на салат из морковки, вспомнила, как пахла рыба, которую жарил Матвей. А рядом со сковородкой на печке кипел чайник. И улыбнулась, делая вид, что слушаю Марину Михайловну.

* * *

В конце сентября в Петропавловск приехал Матвей за патронами в охот-магазин. И зашёл ко мне в редакцию, в комбинезоне, в старых лётных сапогах.

— Когда тебе звонил, ты сказала, что нужно срочно текст в номер писать, на первую полосу. Я не хотел тебе мешать. Думал, в вездеходе подожду.

— Вездеход у редакции поставил? Прохожим будет на что поглазеть. А текст в номер — мне твоя помощь нужна, поэтому попросила зайти. Самолёт летел в наш аэропорт, утром аварийная посадка была. Не слышал? Мне нужно написать. Поможешь?

Матвей подсел ко мне за рабочий стол, быстро и понятно всё объяснил: про воздушный коридор для самолётов в зоне аэропорта, какая ширина и навигация, и ось коридора...

Домой ко мне на Звёздную мы поехали на вездеходе. И пахло в вездеходе... теперь-то я сразу поняла: вильмулимулем.

— Знакомый приезжал, привёз гостинец из тундры?

Матвей кивнул.

Ехали громко, с треском и грохотом, когда парковались возле моего дома, сбежались мальчишки.

Наутро Матвей сходил в газетный ларёк. Принес газету, устроился на кухне с чаем, долго читал. Похоже, мой текст Матвеем понравился. Мы пили чай, ели вильмулимуль, как на перевале пару месяцев назад, когда я приехала к Матвею...

Я всё боялась, что Матвей скажет, что ему пора. Но он никуда не торопился.

* * *

Осенью на автобусной остановке меня больно ткнул в спину кончик зонтика. Я обернулась. Андрей.

— Отойдём на минутку! — почему-то шёпотом попросил он. — Как ты?

Что я могла ответить? Рассказать про вертолётчика на пенсии, который живёт на перевале, ездит на вездеходе? О том, что я неожиданно для самой себя изменилась или что я жду осенних праздников, чтобы поехать на перевал? О том, как в минувшие выходные мы с этим бывшим вертолётчиком ловили на лайде навагу? Но тогда пришлось бы объяснять, что лайдой камчатские рыбаки называют береговую полосу между большой и малой водой, рассказывать, что рыба отлично клевала, и мы за полдня наловили по ведру наваги...

Я пробормотала что-то, злясь на свой зонтик, который никак не складывался — подъезжал мой автобус.

— Ты где была? Я тебе звонил, а твой мобильный молчит...

— На перевале.

— На перевале... Ну вот... — обиделся он, будто я сказала, что летала в Таиланд. — На перевале. А я болел. Проблемы с поджелудочной, врач запретил жареное мясо, острое, сладкое...

— Хм... Не сошёлся же свет клином на мясе и десертах, — я вспомнила зайчатину и "Павлову" с безе и клубникой.

— Я по утрам сам геркулес варю, знаешь, хорошо научился... А ты ещё печёшь тельное? — жалобно спросил он.

Наверное, можно было его схватить за руку и... Это была бы моя победа, и я перетянула канат в свою сторону. Но мне не хотелось торжествовать. Я пожалела о том, что мы встретились. Всё утряслось, уложилось... А теперь буду вспоминать, как мы стояли под дождём.

Я побежала к автобусу, прижимая к юбке мокрый и холодный зонт.

— Привет! — звонил Витька. — К горячему озеру поедешь? Выдвигаемся завтра с утра.

— Завтра? Ветра не будет? Циклон же идёт?

— Идёт, я смотрел прогноз. Пока циклон накроет юг Камчатки и дальше пойдёт, мы успеем съездить и вернуться. Если рванём пораньше.

— Поеду. На перевал.

— А-а, — засмеялся Витька. — Угрюмыч!

* * *

Бабушкину тетрадку я продолжала читать, иногда что-то пробовала сделать по её рецептам. Грибной суп из мороженных подосиновиков, которые я собрала неподалёку от дома Матвея (бульон — непременно из говяжьей косточки, и грибы перед тем, как добавлять в суп, нарезать пластинами, от шляпки до ножки, выложить на сковородку и жарить на сливочном масле, чтобы подрумянились). Когда приехал Матвей, сделала тельное, Матвею понравилось.

Я даже начала придумывать и добавлять что-то своё. И ещё я полюбила салат “ачичук”: к истекающим кровью помидорным ломтям добавить тонко порезанный красный лук и листья фиолетового базилика, спасибо Марине Михайловне. Спасибо.